

23. Там же. С. 282.
24. Там же. С. 283.
25. Частотный словарь русского языка / Под ред. Л. Н. Засориной. М., 1977. С. 106.
26. Климова М. Парижские встречи. СПб., 2004. С. 277.
27. Кино. 365 главных фильмов всех времен и народов: Путеводитель «Афиши». М., 2002. С. 142.
28. Вайль П., Генис А. 60-е. Мир советского человека. 2-е изд., испр. М., 1998. С. 314.
29. Чернухина И. Я. Поэтическое речевое мышление. Воронеж, 1993. С. 115.
30. Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. 2-е изд. М., 1998. С. 136.
31. Аничков И. Е. Труды по языкознанию / Сост. и ответ. ред. В. П. Недеялков. СПб., 1997. С. 88.
32. Учебный словарь сочетаемости слов русского языка / Под ред. П. Н. Денисова, В. В. Морковкина. М., 1978. С. 76-77, 176-177.
33. Аничков И. Е. Труды по языкознанию. С. 106.
34. Душенко К. В. Русские политические цитаты от Ленина до Ельцина: Что, кем и когда было сказано. М., 1996. С. 107.
35. Каверин В. А. Эпилог: Мемуары. М., 1997. С. 260.
36. В том далеком ИФЛИ. Воспоминания, документы, письма, стихи, фотографии / Сост.: А. Коган, С. Красильщик, В. Мальт, Г. Соловьев. М., 1999. С. 153.
37. Душенко К. В. Русские политические цитаты от Ленина до Ельцина. С. 143.
38. Там же. С. 143-144.
39. Генис А. Довлатов и окрестности. М., 1999. С. 152.
40. Ваксберг А. И. Загадка и магия Лили Брик. М., 2004. С. 345.
41. Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Толковый словарь языка Совдепии. СПб., 1998. С. 205.
42. Вайль П., Генис А. 60-е. Мир советского человека. С. 281.
43. Немиров М. М. А. С. Тер-Оганян: Жизнь, Судьба и контемпорари арт. Справочник-путеводитель. М., 1999. С. 44.

Фарида Харисовна ГИЛЬФАНОВА —
 доцент кафедры иностранных языков
 международного института финансов,
 управления и бизнеса,
 кандидат исторических наук

УДК 811.512.145'37

ДРЕВНЯЯ АНТРОПОНИМИЧЕСКАЯ СИСТЕМА ТАРСКИХ И БАРАБИНСКИХ ТАТАР

АННОТАЦИЯ. Для этнолингвистического исследования антропонимии тарских и барабинских татар мы провели историко-стратиграфическое членение всего антропонимического материала, в результате чего выделались три пласта развития антропонимов.

The author for the purpose of ethnolinguistic research of Tar and Barabinsk Tatars anthroponomy has performed historic and stratigraphic subdivision of anthroponomical corpora and singled out the three layers of anthroponomy development.

Сравнивая именники барабинских, тарских и тоболо-иртышских татар, можно выделить три пласта развития антропонимов. Описание древнего пласта имен, унаследованных из древнетюркских и средневековых кипчакских этнонимов и антропонимов, является целью данной статьи.

Из сравнительного анализа антропонимии тарских, барабинских и тоболо-иртышских татар выяснилось, что древнетюркские имена наиболее ярко пред-

ставлены у тоболо-иртышских татар, среди которых часто встречаются имена *Качкурбай, Кортбай, Кубяк* и др. Основу именника тарских татар, в основном аялынской группы, составляют древнекипчакские антропонимы: *Тазбек, Тасбай, Тасбика* и т. п. Отсутствие фонемы *ш* в основе личных имен с *таш* и наличие согласных *з/с* отличает тарских от антропонимии тобольских, тюменских татар и сближает с якутами, тувинцами и хакассами, язык последних имеет генетические связи с киргизским, а в более ранний период — с древнеуйгурским языками. Основу именника барабинских татар, особенно барабинско-турашских, составляют болгаро-кипчакские имена: *Абер/Абир, Игер, Сабир, Сабира* [1; 236]. Болгаро-кипчакский компонент оставил также свой след в топонимии данной группы татар, в частности названиях юрт Оры, аула Каймак, а также племени и волости барабинских татар, связанных с антропонимом *Колоба/Кулоба*. Однако в их именнике встречаются монголо-кипчакские, тюркско-монгольские и монгольские имена. Например, этноним *Мангыт* сохранился в названии юрт *Мангутсун* [2, с. 160], монгольско-кипчакский этноним *тоныс/тонус* — в названии одноименной волости (Тунусская волость), тюркско-монгольские компоненты обнаруживаются в топонимии: Чаргар в Тунусской волости [3, с. 48], антропоним Чарыш сохранился в фамилии Чарышев, основой которой является *чар*, одна из древнейших общетюркских основ, используемых также тувинцами и хакассами [4, с. 167].

Как у аялыньских, так и у туралинских татар нами были зафиксированы угорские имена: *Ихлат, Кактус, Какым, Какымали* [5, с. 93]. В XVIII — в первой четверти XIX вв. на территории проживания туралинских татар существовала Остяцкая волость, что свидетельствует о продолжительных этнокультурных связях этих народов. Однако во второй половине XX в. было зарегистрировано только одно имя угорского происхождения — *Кактус*. В отличие от туралинских татар, в антропонимах, топонимах и гидронимах аялыньской группы сохраняется алтайский компонент: Кугетау аул (Казатова), оз. Мерет, Сатлык, Сатыш, Тускима и др.

Исходя из этимологии этнонима *тора/тура*, мы предполагаем, что он проник в Сибирь к барабинским татарам из Средней Азии вместе с племенами мангытов. Первоначально он означал официально присвоенное звание, определяющее степень заслуг, служебного положения человека и был известен уже в XVI в. Предводитель мангытов в Средней Азии назывался *тора* [6; 20]. В Бухаре он просуществовал вплоть до XX в. Сам этноним *мангыт* у барабинских татар зафиксирован в XVII в. В дальнейшем этноним *тора/тура* был распространен бухарцами и среди других групп татарского населения Сибири.

Наличие болгарско-кипчакских имен в антропонимической системе барабинских татар свидетельствует о том, что барабинцы, особенно барабинско-турашские татары, имели тесные этнокультурные связи с племенами и родами хазарского союза. Язык хазаров имеет генетическую связь с современным чувашским языком, а среди барабинских татар доля башкир, казахов и чувашей составляла 4,5% [7; 27]. Следовательно, хазарский язык, близкий к болгарскому и кипчакскому, смог распространиться и долгое время сохраняться благодаря чувашам. Название аула *Каймак* образовано от *кимак* [8; 44], являющегося наименованием кипчакского племени, известного уже в начале XVII в. В. В. Радлов связывает антропонимы *Колоба/-Кулоба* также с названием племени и татарской волости в данном регионе [9; 242]. Болгарский компонент оставил свой след в названии юрт барабинско-турашских татар *Оры*. Этноним Оры образовался от антропонима *Умор*, зафиксированного среди личных имен болгарских ханов [10; 235]. В сегодняшнем названии юрт сохранилась только вторая часть этого антропонима — *-ор*, к которой добавлено окончание мно-

жественного числа существительного в русском языке *-ы*. Название данного населенного пункта было известно уже в XVII в., и, как уже установлено, оно было образовано от имени местного правителя. Проведенные антропонимические и топонимические исследования подтверждают тезис Р. Г. Кузеева и Н. Н. Моисеевой о миграции булгарско-кипчакских племен до XIII в. и после монгольского нашествия в Западную Сибирь.

Обско-угорский компонент сохранился в названии аула *Калывань* (к,алван) и антропониме *Иркут* у барабинско-турашских татар. В хантыйском языке слово *к,алван* означает «человек, имеющий сети» [11; 73]. О пребывании селькупов среди барабинских татар писала С. М. Малиновская. Подтверждением этого является то, что нами зафиксирован ряд селькупских имен у барабинско-турашских татар: *Лера, Леркум, Сайнак, Сеткуль* [12; 89]. Г. И. Пелих в своих исследованиях выявляет селькупские топонимы: *Кошбахтина, Байбахтина* [13; 56], волость *Котлубахтина*. Б. О. Долгих приводит многочисленные примеры бегства ясачных людей из Нарымского уезда в Барабу.

Якутский компонент присутствует в этнонимах любейско-тунусской и теренинско-чойской группах барабинских татар. Согласно мнению Н. А. Томилова, этноним *сахтар* (сактар) является показателем довольно раннего появления тюрков в Барабе [14; 51]. В любейско-тунусской группе нами зафиксированы следующие антропонимы якутского происхождения: *Егер, Сахабитдин, Сиенчер* и др. Известно, что предки современных якутов пришли в Восточную Сибирь из Западной Сибири, а именно из Барабы, что свидетельствует о том, что они являются ранними поселенцами на территории любейско-тунусской группы барабинских татар.

В теренинско-чойской группе сохранились только топонимы, имеющие якутское происхождение: юрты *Сулбуева, Илькусская*. О функционировании антропонима *Сахабитдин* среди татар любейско-тунусской группы, проживавших в юртах Ак-Балык, свидетельствуют полевые записи (информатор Зайнуллина Махруб 1910 года рождения), на основе которых можно судить о проникновении якутов или этнически близких родственников (этническое самоназвание — «саха»). Оним «*сахтар*» образован от мн. ч. термина «*сах*», «*саха*», сохранившегося в качестве тугумного названия в юртах Улус [15; 51]. Оним «*сиенчер*», якутского происхождения, означает «потомство» (по прямой или женской линии). Якутск. *Сиенчер*, бурятск. *Зээнсэр* «правнук, правнучка», калмыцк. *Зеенчер* «правнук, правнучка» (по линии дочери) восходят к монгольскому *Зеенцер (Zigencer)* «правнук, правнучка». Основа с аффиксом *-чер* используется в башкирских говорах для выражения дифференциального признака пола (ср.: баш. *Йігэн* «внук», *йійэнсер* «внучка»). В других тюркских языках тот же признак выражается определителем *к,ыз* «девочка»: турк. *Йегенк,ыз* «племянница», кир. *женк,ыз* «племянница или внучка по женской линии» [16; 167].

Тюркоязычный антропоним *Егер*, по нашему предположению, имеет также якутское происхождение от *йегер* «рыжий» [17; 23]. Наречение новорожденных именем, основой которого являются клички животных, включая особенности времени рождения, породы, возраста, характерно для именослова тюркоязычных народов, так как среди них бытовали разнообразные верования, связанные с тотемными животными, рыбами, птицами и растениями, что нашло свое отражение в антропонимии того или иного народа. Отличие имен такого рода касалось частотности и активности их исследования: часто они употреблялись у башкир, казахов, киргизов, туркмен, но реже у татар, чувашей и ряда других народов Западной Сибири. [18; 16].

Интересными с точки зрения генезиса тюркских языков представляются некоторые общие черты якутского языка с чувашским и башкирским. Так, со-

впадение значений якутского слова *суол* и башкирское *сул* «путь», «дорога», а также переход согласных *с* в *х* в середине слова в башкирском, якутском языках, *к* в *х* — в хакасском, чувашском и якутском языках, *ч* в *ш* в башкирском, хакасском и якутском языках свидетельствуют о древних связях этих языков [19, с. 324]. В некоторых якутских олонхо говорится, что предки якутов пришли из Западной Сибири, а именно из Барабы и, по предположению некоторых ученых, якуты являются ранними поселенцами барабинских татар. Итак, в любейско-тунусской группе барабинских татар выделяется наиболее ранний пласт личных имен монголо-кипчакского, тюркско-монгольского происхождения: *Магуш*, *Чарыш*, *Чарышев*. Сохранились женские имена с компонентами *ай* «месяц», *кояш* «солнце», *йолдыз* «звезда», которые современные исследователи относят к одним из самых древних, связанных с культом неба: *Айбиби*, *Айсылу*, *Кояш*, *Кояшбикэ*.

Антропонимия третьей группы барабинских татар — *теренинско-чойской* изучалась по материалам похозяйственных книг юрт Сулбуева, Илькусская, Теренинская. Сами названия этих татарских населенных пунктов сохранили следы пребывания здесь якутов. Название юрт *Сулбуева* образовано от якутского слова *соул* «улица» и татарского *буе* «вдоль», т. е. можно предположить, что дома в этой деревне стояли вдоль одной улицы.

Заимствованием из якутского языка, по нашему мнению, является название юрт *Илькусская*, где *кус илиме* означает «сеть для ловли уток». [20, с. 167]. А. Вамбери считал слово *илим* (йылым) производным от глагола *йыл* «вязать», «плести». Н. К. Антонов, вслед за А. Вамбери, возводит якутское слово *илим* к слову *и:л* «захватывать», «зацеплять» [21, с. 283]. Семантическая связь слов *илим* и *и:л* предположительно является вторичной, появившейся на основе народной этимологии. Таким образом, в названии деревни отразилась основная деятельность проживающего в нем населения — в данном случае изготовление сетей для ловли уток, по-видимому, пользовавшихся большим спросом. В соответствии с фонетическими законами русского языка произношение этого топонима претерпело изменения и в настоящее время звучит — Илькусская.

Из хакасского языка заимствован антропоним *Чарла* — «громко плакать». Такое имянаречение, подчеркивающее характер младенца, было типично для сибирских татар. В самом названии *теренинско-чойской* группы барабинских татар присутствует также хакасский компонент *чой*, означающий в переводе на русский язык «блуждающий», «блудник» [22, с. 210]. Часто заблудившуюся скотину искали в окрестностях поселений и, видимо, за определенным местом сохранился оним *чой*.

Таким образом, тарские татары являются как бы пограничной зоной между тоболо-иртышскими и барабинскими татарами, именник тоболо-иртышских татар больше тяготеет к западным, а барабинских татар — к восточным кипчакам. Большинство исследователей отмечают, что Бараба долгое время была беспокойным пограничным районом, где в разные периоды XVII — XVIII вв. действовали отряды кучумовичей, западных монголов, телеутов, а позднее казахов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баскаков Н. А. Русские фамилии тюркского происхождения // Ономастика. М. 1969. С. 236.
2. Саттаров Г. Ф. О чем говорят татарские имена? Казань, 1998. С. 160.
3. Томилов Н. А. Этническая история тюркоязычного населения Западно-Сибирской равнины конца XIX — начала XX вв. Новосибирск, 1992. С. 48.
4. Этимологический словарь тюркских языков. М., 1989. С. 167.

5. Могутаев М. К. Хантыйско-русский словарь. Томск, 1996. С. 96.
6. Материалы по истории казахских хантов XV — XVIII вв. Алматы, 1969. С. 20.
7. Корусенко С. Н., Кулешова Н. В. Генеалогия и этническая история барабинских и курдакско-саргатских татар. Новосибирск, 1999. С. 27.
8. Тумашева Д. Г. Диалекты сибирских татар. Казань, 1977. С. 44.
9. Радлов В. В. Образцы народной литературы тюркских племен. СПб., 1872. Ч. IV. С. 242.
10. Баскаков Н. А. Введение в изучение тюркских языков. М. 1969. С. 235.
11. Могутаев М. К. Хантыйско-русский словарь. Томск, 1996. С. 73.
12. Малиновская С. М. Историческая антропонимия селькупов. М., 1989. С. 89.
13. Пелих Г. И. Происхождение селькупов. Томск, 1972. С. 56.
14. Томилов Н. А. Этническая история ... Новосибирск, 1992. С. 51.
15. Там же. С. 51.
16. Этимологический словарь тюркских языков. М., 1989. С. 167.
17. Там же. С. 23.

*Елена Георгиевна БРУНОВА —
зав. кафедрой иностранных языков
кандидат филологических наук, доцент*

УДК 811.111'37

О ПРОСТРАНСТВЕННОМ АСПЕКТЕ ПОЗНАНИЯ В МИФОПОЭТИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ

АННОТАЦИЯ: в статье анализируются мифопоэтические представления о познании на материале древнеанглийских памятников, определяются семантические траектории соответствующей лексики, которые подтверждаются индоевропейскими параллелями. Особое внимание уделяется связям познания с пространственными отношениями.

The author analyzes mythological and poetic ideas of knowledge in Old English texts. Semantic paths of corresponding vocabulary are determined and verified with Indo-European parallels. Special attention is paid to the relations between knowledge and space.

Целью настоящего исследования является реконструкция элементов языковой модели мира в архаичных представлениях о познании. Материалом для исследования послужили древнеанглийские литературные памятники (поэмы «Беовульф» и «Книга Бытия»). Были использованы методы сравнительно-этимологического и лингвокультурологического анализа.

Во многих языках пространство служит основой для формирования универсальных и продуктивных моделей номинации для непространственных сфер. Как пишет Ю. М. Лотман, «всякая модель культуры может быть описана в пространственных терминах» [1: 484]. Дж. Лакофф и М. Джонсон выделяют базовую онтологическую метафору *разум — этоместилище* [см. 2: 52-53]. Однако это не единственные и не самые древние проявления пространственных представлений в описании внутреннего мира человека.

Сущность операций со знаниями заключается в их обретении, сохранении и передаче другим людям в пространстве (современникам) или во времени (потомкам). Можно только догадываться, насколько сложно было осуществление этих операций в дописьменную эпоху, которая описывается в древнеанглийской поэме «Беовульф», во всяком случае, в поэме не упоминается ни чтение, ни письмо. Поэтому вполне естественно, что процесс обретения сакрального знания включал в себя зна-